

ОТ РЕДАКЦИИ

14 мая 2004 г. академику Теодору Ильичу Ойзерману исполняется 90 лет. За плечами - многолетний и плодотворный труд в сфере философских наук. В 1938 году он окончил философский факультет МИФЛИ, в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию. Участвовал в Великой Отечественной войне. В 1947 г. вернулся на преподавательскую работу в МГУ, заведовал кафедрой истории зарубежной философии. С 1968 г. работает в Институте философии АН СССР зав. сектором, зав. отделом истории философии, советником РАН. В 1966 г. избран член-корреспондентом, в 1981 г. - действительным членом (академиком) АН СССР (ныне РАН). Лауреат Ломоносовской премии (1965), премии им. Плеханова (1981), Государственной премии СССР (1983). Действительный член Международного института философии (Париж). Т.Н. Ойзерман являлся членом редколлегии журнала "Вопросы философии" и одним из ведущих авторов "Истории философии" (Т. 1-6. М., 1957-1965), а также "Краткого очерка истории философии". Разработал теорию историко-философского процесса ("Проблемы историко-философской науки", 1969 г.; "Основы теории историко-философского процесса", 1983 г.; "Философия как история философии", 1999 г.). Многие его работы посвящены немецкой классической философии и истории философии марксизма. Исследовал наследие Канта, Гегеля, Фихта, Шеллинга. В последние годы критически осмысливал наследие марксизма, мировоззренческие проблемы современности.

Редакционный совет, редколлегия и редакция журнала искренне и сердечно поздравляют Теодора Ильича со знаменательным юбилеем и предлагают вниманию читателей одну из последних работ юбиляра.

© 2004 г.

Т.И. ОЙЗЕРМАН

НЕ ПОРА ЛИ ПОЗИТИВНО ПЕРЕОСМЫСЛИТЬ ПОЛУЗАБЫТУЮ «ТЕОРИЮ ФАКТОРОВ»?

ОЙЗЕРМАН Теодор Ильич - академик Российской академии наук.

Детерминизм в его строгой, на мой взгляд, абсолютизированной форме, получивший наименование лапласовского детерминизма, утверждал, что каждое явление, событие, если оно описано с достаточной полнотой, есть следствие одной определенной причины. Представление о многообразии причин того или иного явления было безусловно чуждо этой концепции детерминизма, почти безраздельно господствовавшей в науке XIX в. Основоположники марксизма в основном также придерживались общепринятого понимания процесса детерминации, однако, в своих исследованиях нередко отступали от однозначного понимания причинно-следственных отношений, фактически склоняясь к созрению, которое развивали частью их предшественники, частью

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-03-00052а).

современники как "теорию факторов". Так, в первом томе "Капитала" Маркс утверждает, что в ходе развития капитализма, вследствие изменения органической структуры капитала (преобладающий по сравнению с переменным капиталом рост постоянного капитала, т.е. совокупности средств производства) возникает тенденция, ведущая к снижению нормы прибыли. Но этому процессу, указывает Маркс, противодействует ряд факторов: повышение производительности труда, удешевление средств производства, ускорение оборота капитала и т.д. Энгельс в "Анти-Дюринге" указывает на ограниченность понятия причинности в том смысле, что оно применимо лишь к отдельному, изолированно рассматриваемому явлению: "...причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами..." [1]. Правильность этого положения давно подтверждена развитием науки, хотя, конечно, нет необходимости (и возможности) рассматривать отдельное причинно-следственное отношение в "его общей связи со всем мировым целым".

Разрабатывая и обосновывая материалистическое понимание истории, основоположники марксизма также отступают от однозначного, одностороннего понимания детерминации. С одной стороны, они утверждают, что способ производства определяет (следовательно, детерминирует) всю совокупность общественных отношений. И наряду с этим, нетрудно обнаружить в их произведениях и воззрениях, которое уместно именовать технико-технологическим детерминизмом. Маркс, например, пишет в "Ницше философии": "Ручная мельница дает нам общество с сюзереном во главе (т.е. феодальное общество. - *Т.О.*), паровая мельница - общество с промышленным капиталистом" [2]. Эта концепция техногенного процесса перехода от одной общественно-экономической формации к другой обстоятельно обосновывается Марксом в его характеристике промышленной революции, данной в первом томе "Капитала".

В 1856 г. Маркс, критически оценивая результаты буржуазно-демократических революций 1848-1849 гг., указывает на несравненно большее значение в деле буржуазного преобразования общественных отношений технического прогресса. "Пар, электричество и сельфактор были несравненно более опасными революционерами, чем даже граждане Барбес, Распайль и Бланки" [3]. Еще более резко формулирует эту технико-технологическую концепцию детерминизма Энгельс: "Орудия дикаря обуславливают его общество совершенно в той мере, как новейшие орудия - капиталистическое общество" [4].

Не без основания Г.В. Мейо, известный американский марксолог, характеризует исторический материализм как "технологическую интерпретацию истории" [5]. Приведенные высказывания, количество которых может быть значительно умножено, мирно соседствуют с основополагающими, специфическими для исторического материализма положениями, согласно которым материальное производство, производство материальных благ обуславливает, определяет все остальные характеристики (политические, юридические, идеологические) того или иного общественного строя. При этом в одних случаях на первый план выдвигаются производительные силы в качестве главного, определяющего фактора общественного прогресса, а в других - эта же роль приписывается общественным отношениям производства, производственным, экономическим отношениям.

Производительные силы характеризуются Марксом по-разному. Прежде всего речь идет о трудящихся - главной производительной силе. Далее, производительной силой является сама организация процесса производства, в частности, общественное разделение труда. А в подготовительных работах к "Капиталу" Маркс, характеризуя научно-технический прогресс как развитие производительных сил, подчеркивает решающее значение научного познания, называя его также производительной силой. "Все это, - говорит Маркс о научно-технических достижениях, - созданные челове-

ской рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание (wissen, knowledge) превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда - показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним" [6]. Здесь не только наука, но и "всеобщий общественный интеллект" (это понятие остается неразъясненным) трактуются как главные производительные силы. Правда, приведенное высказывание не вошло в текст "Капитала", в котором говорится лишь о научной потенции общественного производства.

Что касается производственных, т.е. экономических отношений, то их совокупность характеризуется основоположниками марксизма как экономический базис общества, обуславливающий отношения, именуемые надстройкой. Согласно Энгельсу, "экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода" [7]. Однако в своих письмах конца 80-х-первой половины 90-х гг. Энгельс разъясняет, что если кто-либо истолковывает исторический материализм "в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение - это базис, но на исход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки" [8]. Но форма, о которой здесь говорит Энгельс, есть не что иное, как форма, которую обретают результаты "исторической борьбы", общественного развития вообще. И эта форма, которая отнюдь не бессодержательна, не есть лишь внешняя форма, а представляет собой структуру самого содержания исторического процесса и тех результатов, к которым он приходит на том или ином этапе общественного развития, определяется, по словам Энгельса, различными моментами (вернее сказать, элементами) надстройки.

В том же, цитируемом мною письме, Энгельс рассматривает исторический процесс и его результаты на каждом этапе общественного развития с точки зрения, можно, пожалуй, сказать, социальной психологии. Он прямо указывает на массу обстоятельство, участвующих в этом процессе и так или иначе определяющих его содержание и результаты. История, - утверждает Энгельс, - "делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе жизненных обстоятельств*. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая - историческое событие. Этот результат можно

*...в истории общества, - замечает Энгельс, - действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели... Воля определяется страстью или размышлением. Но те рычаги, которыми, в свою очередь, определяются страсть или размышление, бывают самого разнообразного характера. Отчасти это могут быть внешние предметы, отчасти - идеальные побуждения: честолюбие, "служение истине и праву", личная ненависть или даже чисто индивидуальные прихоти всякого рода" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306). Энгельс не просто констатирует известное значение психологических мотивов. В работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" он придает этим духовным факторам решающее значение в развитии классового общества: "Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида, была ее единственной, определяющей страстью" (там же, с. 176). Гуманистическое, благородное возмущение Энгельса, конечно, естественно, но в какой мере приводимое утверждение согласуется с материалистическим пониманием истории? Не допускает ли здесь Энгельс решающую роль хотя и низменного, но все-таки духовного фактора?

опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно" [9].

Я привел все эти высказывания, и притом в хронологическом порядке, вовсе не для того, чтобы уличить Маркса и Энгельса в непоследовательности, противоречивости, несогласованности обосновываемых ими положений, а только для того, чтобы вкратце проследить эволюцию их воззрений на общество и определяющие его существование и развитие материальные основы. Содержанием этой эволюции является переход от чрезмерно жесткой, однозначной концепции исторического детерминизма к более умеренному, взвешенному пониманию основоположений материалистического понимания истории, к такому их пониманию, которое приближается к "теории факторов", чего основоположники марксизма, по-видимому, не осознавали.

Г.В. Плеханов, которого с полным правом можно назвать ортодоксальным, последовательным марксистом, конечно, отвергает "теорию факторов", которая, по его мнению, вычленяет отдельные стороны общественной жизни и превращает их в независимые друг от друга силы, якобы определяющие общественную жизнь. Этой теории Плеханов противопоставляет монизм, т.е. признание одной первичной, определяющей в целом социальной процесс силы. Речь идет, конечно о производительных силах (уместно отметить, что последние всегда фигурируют во множественном числе). Свою монографию "К вопросу о монистическом взгляде на историю" Плеханов назвал так, исходя из подцензурных соображений. Слово "монизм" означало для него "материализм". Однако термин "монизм" Плеханов применял и независимо от внешних соображений, противопоставляя монизм эклектизму, который он приписывал "теории факторов". Тем не менее, вопреки этой основной монистической установке он утверждает, что "подлинные и последовательные материалисты, действительно, не склонны всюду лезть с экономическим фактором. Да и самый вопрос о том, какой фактор господствует в общественной жизни, кажется им неосновательным" [10]. И продолжая эту мысль несколько ниже, Плеханов подчеркивает: "Неуместность вопроса о том, какой фактор господствует в общественной жизни, стала очень заметной уже со времени Гегеля. Гегелевский идеализм исключил самую возможность подобных вопросов. Тем более исключает ее современный нам диалектический материализм" [11]. Итак, из этих высказываний следует, что материалистическое понимание истории вовсе не сводится к признанию одного, единственного, все определяющего в обществе "фактора". Плеханов даже утверждает, что в разных исторических условиях доминирующее значение приобретают разные факторы, например "человеческие страсти, государственное право, экономика" [12]. Стоит подчеркнуть, что экономические отношения толкуются здесь как один из факторов. Почему же Плеханов продолжает настаивать на своем монизме, исключаящем, по его убеждению, "теорию факторов", порок которой, полагает он, состоит вовсе не в том, что она допускает разные действующие в истории факторы, а в том, что она лишена синтетического понимания последних. Полемизируя с Михайловским, который склоняется к "теории факторов", Плеханов признает: "Теория факторов растет, кроме того, вместе с разделением труда в общественной науке. Все отрасли этой науки - этика, политика, право, политическая экономия и проч. - рассматривают собственно одно и то же: деятельность общественного человека. Г-н Михайловский сказал бы, что каждая из них "заведует" особою "струною". Каждая "струна" может быть рассматриваема как фактор общественного развития. И в самом деле, мы можем теперь насчитать почти столько же факторов, сколько существует отдельных "дисциплин" в общественной науке. Однако "теория факторов" все же недостаточна; "...успехи общественных наук должны были повести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа синтетическим взглядом на общественную жизнь" [13], замечает Плеханов. В какой же мере ему удастся, действительно, осуществить такую замену? На мой взгляд, предложенное Плехановым решение задачи оказывается на поверку фактическим переходом на позиции "теории факторов". Остановимся обстоятельней на этом вопросе.

После того как Плеханов настоятельно подчеркивал, что не производственные (экономические) отношения, а производительные силы представляют собой первую, изначальную движущую силу общественного развития, он начинает обосновывать новый тезис, который, независимо от марксизма, стремились доказать представители так называемого географического материализма. Вполне в духе этого учения Плеханов утверждает: "...свойства географической среды обуславливают (подчеркнуто мною - Т.О.) собой развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собой развитие экономических, а вслед за ними и других общественных отношений" [14]. Я не стану входить в рассмотрение этого тезиса, так как это выходит за границы темы данной статьи. Существенно другое: на сцену выступает новый фактор, существенно изменяющий монистическую картину общественной жизни.

Пойдем дальше. Плеханову несомненно принадлежит заслуга основательного исследования духовной жизни общества, в частности, литературы и искусства вообще. Он смог во многом преодолеть то упрощенное представление об отношении этих форм общественного сознания к экономическим отношениям (и производству вообще), от которого были не свободны многие соратники Маркса и Энгельса, да и марксисты недавно завершившегося столетия. Итогом этих исследований является следующее заключение: "чтобы понять историю научной мысли или историю искусства в данный период, недостаточно знать ее экономию. Надо от экономии перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологии" [15]. Оставим вне внимания слишком расширительное понимание феномена идеологии, в который запросто включается искусство. В данной связи для нас существенно другое: вводится новый фактор "общественная психология". Что ее отличает от психологии отдельных членов общества? Имеются ли в виду "коллективные представления" в духе теории Э. Дюркгейма? Или речь просто идет о менталитете, превалирующем у каждого народа, отличающем, скажем, немцев от французов или русских? Здесь нет необходимости рассматривать этот вопрос. Достаточно констатировать: сделан еще один шаг навстречу осуждаемой "теории факторов". И шаг отнюдь не последний. На следующей странице цитируемой работы Плеханов присовокупляет: "Раса оказывает несомненное влияние на историю некоторых идеологий, например, искусство" [16]. И с этим нельзя не согласиться. Но важно при этом подчеркнуть, что раса отнюдь не обусловлена ни развитием производительных сил, ни экономическими отношениями. Следовательно, данный фактор не является, строго говоря, предметом исследования исторического материализма. Исследованием рас занимается антропология.

Плеханов сам подытоживает свои воззрения на факторы общественного развития. Цитирую: «1) состояние производительных сил; 2) обусловленные ими экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической "основе"; 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-экономическим строем психика общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики» [17]. Раса, национальный характер, науки о природе не упомянуты в этой "пятичленке". А между тем они, это признавал и сам Плеханов, не говоря уже об основоположниках марксизма, играют весьма значительную роль в общественном развитии. И если после всех этих уступок "теории факторов" он все же утверждает, что эта теория "принесла свою долю пользы науке. Но как бы ни была законна и полезна в свое время теория факторов, она не выдерживает критики" [18], то volens-nolens приходится признать, что Плеханов возражает самому себе. Он, как и другие марксисты его времени, оказывается неспособным признать, что "теория факторов", позитивно переосмысленная с позиций материалистического понимания истории, может и должна стать необходимым дополнением к этой теории общественного развития, дополнением, которое помогает преодолеть характерную для исторического материализма концепцию жесткого, однозначного, "монистического" детерминизма.

То, на что не решился Плеханов, несмотря на его собственную интерпретацию материалистического понимания истории фактически в духе критикуемой им "теории факторов", стало делом последующих исследователей, как марксистов так и не марксистов. Остановлюсь, прежде всего, на работах наших отечественных исследователей. Член-корреспондент Российской академии наук Г.Х. Шахназаров, выдающийся правовед и политолог, ответственный работник ЦК КПСС, автор нескольких научно-фантастических повестей, одним из первых выступил против одностороннего толкования государства, политики и права лишь как надстроечных, т.е. второстепенных социальных феноменов. В одной из своих статей он со всей определенностью писал: "...можно принять если не за аксиому, то по крайней мере за гипотезу тезис о том, что политика и экономика на равных определяют пути развития общества" [19]. Термин "гипотеза" применяется здесь, можно сказать, из скромности автора, который не претендует на теоретические открытия, но тем не менее решительно утверждает, что уже государственно-монополистический капитализм свидетельствует о политическо-экономическом, а не просто экономическом базисе общества. Это значит, что государство, политика не в меньшей мере, чем экономика, определяют облик общества. Это же, подчеркивает Шахназаров, самым непосредственным образом относится и к социализму, как общественному строю. "Придание политическому фактору подчиненного значения по сравнению с экономическим привело к деформации всей теоретической модели будущего социалистического общества, как его мыслили основоположники марксизма" [20]. Этот упрек в адрес Маркса и Энгельса, на мой взгляд, неоправдан, так как социалистическое общество представлялось им таким общественным строем, в котором не будет классов, а государство постепенно отомрет. Правда, реальный социализм в СССР и других странах существенно отличался от созданной Марксом и Энгельсом теоретической модели. В этом обществе не столько экономика, сколько политика КПСС, безраздельно владевшая государственной властью, фактически определяла (и предопределяла) направление социального процесса, порождаемые этим направлением "временные" трудности, превращавшиеся в постоянно действующие факторы и т.д. Это, по-видимому, и имел в виду Г.Х. Шахназаров.

Далее я хочу сослаться на монографию талантливого логика и философа, профессора Д.П. Горского. Он под конец жизни плодотворно занимался критическим исследованием марксистской теории, не только философской, но также экономической. Результатом этого исследования стал вывод о том, что определяющая, движущая сила развития общества не может быть сведена только к производительным силам и производственным отношениям. «Отношение первичное-вторичное диалектично; поэтому "вторичное", производное становится первичным, играющим главную роль в развитии общества». В другом месте монографии Горский утверждает: "часто надстройки, общественное сознание выступают обычно как первичные по отношению к производственно-экономическим структурам; они являются стимулом не только изменения последних, но и становления новых производственно-экономических структур...". Однако не одно лишь общественное сознание играет при определенных условиях определяющую роль: "...государство и право становятся затем во многих отношениях первичными, определяющими в отношении породившей их основы" [21].

Горский отнюдь не отказывается от материалистического понимания истории; он лишь стремится сделать его более диалектическим, в полной мере учитывающим изменяющиеся отношения факторов, определяющих состояние и изменение общества. Причина и следствие, указывал Энгельс в цитате, приведенной мною в начале статьи, сплошь и рядом меняются местами. Однако этот важный вывод ни Энгельс, ни Маркс не применили в должной мере к общественно-историческому процессу, несмотря на то, что они неоднократно подчеркивали диалектический характер материалистического понимания истории. Цитируемая монография Д.П. Горского вскрывает диалектику, присущую развитию общества, диалектически трактует этот исторический процесс.

Теперь я позволю себе остановиться на теоретических воззрениях выдающегося представителя отечественной медицины профессора И.В. Давыдовского. Я имею в виду его книгу "Проблема причинности в медицине" и состоявшееся вскоре после ее выхода в свет обсуждение этой монографии на расширенном заседании второго Медицинского института им. Н.И. Пирогова.

В своем вступительном слове Давыдовский справедливо, на мой взгляд, отмечал: «В плане философском проблема причинности фактически находится и сейчас на уровне механистического материализма, обедняющего конкретные и исторические связи явлений. Как и в физике времени Ньютона, в теории медицины продолжают господствовать "удобные заблуждения" в плане "классической причинности" с ее однозначными связями, отрицанием случайности и с утверждением жесткой стопроцентной необходимости» [22]. Далее Давыдовский заявляет, что первостепенной научной задачей должна стать необходимость "ревизовать правильность теоретических представлений, утвердившихся в медицине... Но ревизовать - это не значит только отрицать. Скептицизм и ревизионизм в науке - творческое, позитивное начало, лучшее профилактическое средство против догматизма и лакировки, против слишком укоренившихся систем взглядов, т.е. против консерватизма и рутины" [23]. С этих позиций И.В. Давыдовский обосновывает необходимость многофакторного исследования причин любого заболевания. Ссылка на одну какую-либо причину, пусть даже весьма существенную, совершенно несостоятельна.

Один из оппонентов Давыдовского микробиолог проф. В.Д. Тимаков утверждал, что все инфекционные заболевания специфичны в том смысле, что каждое из них вызывается всегда определенным вирусом. На этот аргумент Давыдовский ответил ссылкой на факты. "Из тысячи носителей вируса полиомиелита 990 им не болеют, остальные 10 болеют по-разному, и из них 1-2 болеют паралитической формой" [24]. Нем объяснить это совершенно загадочное явление, тем более, что оно имеет место и при других инфекционных заболеваниях. Наличие вируса один, хотя и безусловно существенный фактор. Но столь же существенным является иммунная система человеческого организма, которая не только образует барьер на пути инфекции, но и ведет войну на уничтожение против атакующих человека болезнетворных вирусов. Здесь выступает на сцену такой, сплошь и рядом игнорируемый медиками-практиками, фактор как индивидуальность человека, которая сама представляет многофакторный, не поддающийся эмпирическому описанию феномен. Индивидуальность - продукт многочисленных, фактически неисчислимых случайностей, которые лишь в малом объеме выявляются медициной, несмотря на постоянное совершенствование ее методов. Давыдовский ссылается на Н.И. Пирогова, который был не только гениальным хирургом, но и выдающимся теоретиком медицины. Не случайно вырвалось у Пирогова, что "случай - вот творческое начало". Несомненно, что каждый случай заболевания имеет собственную многозначную причинность... однако именно индивидуальность, так же как принцип относительности в физике, уничтожая "стопроцентную вероятность", порождает загадочную для врача неопределенность, поскольку, казалось бы, совершенно одинаковые условия (видовые, возрастные, половые, социальные и т.д.) порождают неодинаковый результат. Нетрудно догадаться, что факторы наследственности, гено- и фенотип определяют этот результат. К сожалению, и теперь "индивидуализирование - новая, еще не початая отрасль знания" (Н.И. Пирогов. Соч., т. VIII, с. 320) [25]. Я нарочно подробнее остановился на воззрениях И.В. Давыдовского, так как они с обезоруживающей наглядностью демонстрируют необходимость "теории факторов" для решения конкретных теоретических и практических задач.

Перехожу к зарубежным авторам. Люсьен Гольдман, французский марксист неортодоксального типа. Он рассуждает в духе нашумевшей работы Г. Лукача "История и классовое сознание", вышедшей в свет в 1923 г. и неоднократно переиздававшейся (и переводившаяся с немецкого на другие языки) в последующие годы. Лукач, считая выдающейся заслугой основоположников марксизма выяснение роли экономических отношений в развитии всего общества, наряду с этим выступал против абсолютизации

этих отношений, т.е. толкования их как все и вся определяющих. Исторический процесс, согласно Лукачу, носит целостный, тотальный характер и именно эта тотальность, т.е. единство многих факторов, в котором первостепенное значение, но лишь при определенных условиях, принадлежит экономике, и определяет развитие общества. Л. Гольдман, развивая идеи Лукача, утверждает: «Не преобладание экономических мотивов в объяснении истории отличает решающим образом марксизм от буржуазной науки, а точка зрения целостности, "преобладание целого над своими частями"» [26]. Заключенное в кавычки окончание приведенной цитаты - утверждение Лукача.

Точка зрения Гольдмана, как и Лукача, разумеется, существенно отличается от сформулированных основоположниками марксизма основоположений материалистического понимания истории. Здесь налицо попытка путем введения понятия целостности, тотальности (гегелевское понятие) осуществить то синтетическое объединение существенно различных факторов, образующих содержание и движущие силы общественно-исторического процесса в диалектически понимаемое единство. И развивая приведенный тезис, Гольдман поясняет в другой связи: "...если рассматривать историю в целом, нет первичности, которая правомерно и необходимо принадлежала бы одной определенной области общественной жизни" [27]. Это значит, что в каждой конкретной исторической ситуации решающую роль будет играть тот или иной фактор, но в рамках целостного, определяющего состояние и изменение общества," процесса.

От марксиста Гольдмана перейдем к социал-демократу В. Брандту, который, считая основоположников марксизма предшественниками современной социал-демократии, является вместе с тем убежденным антикоммунистом, имея в виду не столько коммунистическое учение, сколько его претворение в жизнь в форме тоталитаристского режима. Он, конечно, не является теоретиком, исследователем, но как лидер германской социал-демократии и председатель Социалистического Интернационала выражает господствующее убеждение следующим образом: "Концепция истории, склонная рассматривать экономические факторы в качестве единственных движущих сил исторических событий, оказалась ошибочной или по крайней мере односторонней. Она привела не столько Маркса, сколько его эпигонов к гипотезе, что, в сущности, мы имеем дело с естественно-обусловленным процессом" [28]. Брандт, как нетрудно понять, связывает абсолютизацию роли экономики с фаталистической тенденцией.

Остановлюсь далее на воззрениях так называемых марксологов, т.е. ученых, специализирующихся на исследовании марксизма, как учения, получившего широчайшее распространение и оказавшее значительное влияние на позиции политических партий, в том числе и тех, которые отвергают это учение. Английский политолог Р.Ф. Аткинсон, отмечая, что марксизм придает фундаментальное значение "экономическим причинам", указывает в этой связи, что экономика хотя и обуславливает некоторые неэкономические процессы сама предполагает разного рода неэкономические условия, без которых ее функционирование не может быть достаточно эффективным. "Экономические факторы связаны с некоторыми другими, но не со всеми факторами, а те, с которыми они не связаны, имеют такую же законную силу, как и те, с которыми они связаны" [29]. На мой взгляд, эта точка зрения вполне совместима с "пятичленной" Плеханова, несмотря на то, что Аткинсон не является марксистом.

А вот другой, на этот раз американский марксолог Б. Олмен, посвятивший свое монографическое исследование марксистским и немарксистским концепциям отчуждения. По его мнению, Маркс зачастую сводит экономические структуры к технико-технологическим, что неизбежно умаляет значение введенной им в научный оборот категории "производственные отношения", как бы ни настаивал Маркс на их фундаментальном значении в качестве экономического базиса общества. Но развитие техники и технологии не есть самодостаточный, автономный процесс. "Не требуется глубокого знания истории, чтобы понять, что технологическое развитие есть инвариантная функция от уровня науки, законов общества, политических режимов, потребительского спроса и многого другого" [30]. И здесь налицо "теория факторов", хотя о ней не говорится.

В заключение остановлюсь на воззрениях по данному вопросу известного социолога, политолога и критика марксизма Р. Арона. В монографии, которая в значительной мере посвящена критике советского общества, он вместе с тем излагает свои теоретические воззрения. Так, он уже в начале своей книги заявляет, что в ходе своих исследований "пришел к выводу о главенствующей роли политики по отношению к экономике" [31]. Это положение, конечно, противоречит воззрениям основоположников марксизма, но, как это ни удивительно, вполне согласуется с известным высказыванием Ленина о первенстве политики по отношению к экономике. Этот тезис Ленин, по-видимому, для вящей убедительности, называл азбучной истиной марксизма. Сопоставляя советский строй и капиталистическую экономику, Арон видит источник их коренного различия в различии политики. "Если советская экономика - это следствие определенной политики, то западная определяется политической системой, которая примирилась с ограниченностью собственных возможностей" [32]. Нетрудно видеть подтекст этого высказывания: советская политика, политика КПСС лишена сознания ограниченности собственных возможностей; она страдает *mania grandiosa*, исполнена уверенности в своем неограниченном могуществе, что обрекает ее на перманентные поражения.

Я не думаю, что политика КПСС, в особенности после смерти Сталина не сознавала ограниченности своих возможностей. Безусловно осознавала, о чем свидетельствует, в частности, установка на мирное сосуществование противоположных социальных систем, установка, которая, впрочем, сочеталась с небывалой для мирного времени милитаризацией экономики, гонкой вооружений и, конечно, холодной войной. Однако полемика с Р. Ароном выходит за границы нашей темы. Обратимся снова к его воззрениям. Р. Арон резонно, по моему мнению, замечает: "Всегда можно выявить исторические причины того или иного события, но ни одну из них нельзя считать главнейшей" [33]. Это положение является, на мой взгляд, наиболее удачной формулировкой основоположения "теории факторов", на которую Арон почему-то не ссылается.

Создается впечатление, что эта теория предана анафеме; даже упоминание о ней как бы находится под запретом, вопреки тому, что наука отвергает всяческие, в том числе замысловато переряженные табу. Весьма показательно, что после того как Арон объявил политику главенствующей по отношению к экономике, он через три страницы как бы отказывается от своего тезиса, берет, так сказать, свои слова назад. "И речи не может быть о том, чтобы подменить теорию, которая односторонне определяет общество через экономику, иной - столь же произвольно характеризующей его через политику. Неверно, будто уровень техники, степень развития экономических сил или распределение общественного богатства определяют все общество в целом; неверно и то, что все особенности общества можно вывести из организации государственной власти" [34]. Это положение - дальнейшее развитие главного и, по существу единственного принципа "теории факторов": ни один фактор не обладает решающим преимуществом перед каким бы то ни было другим. Это не что иное, как отрицательное определение сути "теории факторов".

Подведем итоги. Основоположники марксизма - философские материалисты были, конечно, монистами, но как создатели материалистического понимания истории они вовсе не были монистами: об этом свидетельствует их многозначная концепция производительных сил. Это и трудящиеся, производители материальных благ, и техника, машины, прежде всего, и наука, применяемая в производстве и, больше того, создающая новые отрасли производства. Следовательно, согласно учению Маркса и Энгельса, силы, определяющие развитие общества, являются как материальными, так и духовными.

Но не только производительные силы, утверждали основоположники марксизма, но и их форма существования - производственные отношения - определяют развитие общества, так как совокупность производственных отношений - экономический базис общества - определяет политические, правовые, идеологические институты и формы общественного сознания.

Таким образом, Маркс и Энгельс вполне сочетали материалистическое понимание истории с "теорией факторов". Тем более это относится к одному из наиболее выдающихся марксистов конца XIX-начала XX столетия Г.В. Плеханову. Несмотря на свое отрицание "теории факторов", как якобы преодоленного марксизмом учения, он наряду с производительными силами считал определяющей последние географическую среду. Кроме того, не удовлетворяясь общим понятием экономической основы общества, Плеханов считал, что идеологии (так именовались им не только определенные социально-политические воззрения, но и все виды искусства, в том числе и художественная литература, а также философские учения) в известной мере определяются расой, национальными особенностями народов и "общественной психологией", понятие которой остается у него недостаточно раскрытым.

Что касается ряда марксистов начала и середины XX века, то они, ничего не говоря о "теории факторов", на деле возродили ее и подкрепляли новыми аргументами. В особенности это относится к социологам, которые, занимаясь конкретными эмпирическими исследованиями, постоянно указывали на многообразии факторов, которые так или иначе определяют тенденции общественного развития и определенные события, как предмет их исследования. Само собой разумеется, что, указывая на многообразие факторов, в той или иной мере определяющих состояние общества и исторический процесс в целом, не следует рассматривать все эти факторы как существующие безотносительно друг к другу. Они сплошь и рядом образуют ту или иную констелляцию, систему, что, однако, не исключает и того, что те или иные факторы могут быть независимы друг от друга. Иными словами, не только сами факторы многочисленны, многообразны, но и отношения между ними также носят многообразный характер. Осознание этого обстоятельства исключает догматическое истолкование отнюдь не догматической, эмпирической по своему происхождению теории факторов. Нет никаких оснований для противопоставления материалистического понимания истории "теории факторов", которую вовсе не следует отождествлять с эклектическими концепциями предшественников марксизма. Марксизм, можно сказать, преобразовал "теорию факторов" и включил ее в материалистическое понимание истории. И если основоположники марксизма не осознавали этого обстоятельства, то мы, исследователи конца XX-начала XXI вв., вероятно, способны лучше понять марксизм, чем его основатели и первые по времени последователи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 20, с. 22.
2. *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 4, с. 133.
3. *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 12, с. 3.
4. *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 36, с. 146.
5. *Мауо Н.В. Introduction to Marxist Theore. N.Y.*, 1960, p. 68.
6. *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 46, ч. II, с. 215. Наряду с производством материальных благ как определяющей основой общественной жизни, Энгельс в работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" относит к этому определяющему общество производству и умножение населения. "Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны - производство средств жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой, - производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны, - труда, с другой, - семьи" (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 21, с. 25-26). Это положение было подвергнуто, правда, с большим опозданием, критике рядом марксистов, которые указали на тот несомненный факт, что рост населения страны далеко еще не означает роста ее производительных сил, а в некоторых отношениях может даже замедлить последний. История Индии и Китая тому пример.

7. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 26.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 395-396.
10. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956, т. II, с. 238.
11. Там же, с. 239.
12. Там же, с. 240. Далее Плеханов пишет: "Если бы экономические отношения были последней, основной причиной общественных явлений, то невозможно было бы понять, почему же изменяются эти отношения" (там же, с. 277). Последняя, основная причина общественных явлений - производительные силы. "Организация всякого данного общества, - указывает он в другом месте, - определяется состоянием его производительных сил. С изменением этого состояния непременно должна раньше или позже измениться и общественная организация" (там же, с. 253). Однако далее Плеханов указывает на то, что в ходе общественного прогресса возрастает роль духовного фактора: "...по мере развития производительных сил духовный фактор все более усиливается и что, следовательно, сама история берет на себя труд опровержения "экономического материализма" (там же, с. 286). Роль духовного фактора Плеханов отмечает и в своем анализе права. Нормы положительного права являются продуктом экономических отношений, но форма права в отличие от его содержания выражает содержание общественного сознания. "Поэтому всякую систему положительного права можно и должно рассматривать как продукт сознания" (там же, с. 260). Важно также указать, что, с точки зрения Плеханова, экономика оказывает влияние на все другие общественные отношения не сама по себе, а только вместе с другими, неэкономическими отношениями. «Иногда "экономика" влияет на поступки людей через посредство искусства или какой-нибудь другой идеологии, и только по временам, на позднейших ступенях общественного развития, экономика является в сознании людей в своем собственном "экономическом" виде» (там же, с. 299). Не являются ли эти высказывания отступлением от монизма в сторону плюралистической "теории факторов"? Ответ на этот вопрос может быть дан лишь последующим изложением воззрений Плеханова.
13. Там же, с. 210.
14. Там же, с. 153.
15. Там же, с. 247.
16. Там же, с. 248.
17. Там же, с. 179-180. В другой своей работе Плеханов несколько по-иному формулирует свою концепцию многофакторного понимания исторического процесса, различая общие, особенные и единичные факторы, определяющие характер этого процесса. «В настоящее время, - пишет он, - последней и самой общей причиной исторического движения человечества надо признать развитие производительных сил, которыми обусловливаются последовательные изменения общественных отношений людей. Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, т.е. та историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и которая сама создана в последней инстанции развитием тех же самых сил у других народов, т.е. той же общей причиной.

Наконец, влияние особенных причин дополняется действием единичных, т.е. личных особенностей деятелей и других "случайностей", благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию» (там же, с. 332). Не входя в обсуждение этого правильного положения, отмечу только то, что здесь Плехановым вводятся в научный оборот новые факторы: историческая обстановка, которая сама представляет целый комплекс условий, обстоятельств и причин, а также понятие единичной причины, на мой взгляд, весьма существенное. Плеханов именует ее случайной, заключая термин "случайность" в кавычки. Это, конечно, ошибка. Случайности столь же существенны, как и необходимость, которая складывается у них. В некоторых исторических ситуациях случайному принадлежит даже первенствующая роль.

18. Там же, с. 242.
19. Шахназаров Г.Х. В поисках утраченной идеи // Коммунист. 1991. № 4, с. 22.
20. Там же, с. 23.
21. Горский Д.П. Учение Маркса об обществе. Критический анализ. М., 1994, с. 57, 10, И.
22. Сб. "О проблеме причинности в медицине". М., 1965, с. 11-12. Свою критику традиционного понимания причинности Давыдовский подкрепляет словами выдающегося естествоиспытателя и мыслителя Вернадского: «С естественно-научной точки зрения, слово "причина" слишком неопределенно и, пожалуй, неуместно» (там же, с. 163). Это особенно

очевидно при исследовании генезиса того или иного заболевания. Некоторые болезни общи и человеку и животным (сальмонеллезы, микозы, сепсис, авитаминозы, рак некоторых локализаций). Другие болезни присущи лишь человеку, следовательно, порождаются социальными факторами, что однако вовсе не означает отсутствия биологических факторов, например, наследственной предрасположенности. Однако и наследственность так или иначе связана со средой обитания человека. Как подчеркивает Давыдовский "...все наследственные заболевания в конечном итоге имели какие-то внешние факторы, создавшие то или иное наследственное предрасположение, в дальнейшем закрепившееся в потомстве" (там же, с. 85). Необходимо, следовательно, в анализе этиологии любого заболевания выявлять многочисленные факторы, которые его вызвали.

23. Там же, с. 117.
24. Там же, с. 123.
25. Там же, с. 15.
26. *Goldman L. Recherches dialectique. Paris, 1959, p. 20.*
27. *Ibidem, p. 67.*
28. *Брандт В. Демократический социализм. Статьи и речи. М., 1992, с. 199.* В дополнение к приведенному положению Брандт замечает: "...понятия права, к примеру, являют собой нечто большее, чем только функцию экономического базиса, и что создание людей не вытекает автоматически из общественного бытия" (там же). С этим положением нельзя не согласиться.
29. *Atkinson R.F. Historical Materialism // Marx and Marxism. Ed. by Parkinson. Cambridge, 1984, p. 58.*
30. *Ollmann B. Alienation. N.Y., 1975, p. 7-8.*
31. *Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993, с. 26.*
32. Там же, с. 27.
33. Там же, с. 29.
34. Там же. Поясняя сформулированное им основоположение, Арон вновь уточняет свою позицию, т.е. основоположение "теории факторов": «Иначе говоря, формулировка "в конечном счете все объясняется либо экономикой, либо техникой, либо политикой" - изначально бессмысленна». И, уточняя свою первоначальную формулировку вместо того, чтобы ее просто исключить из текста рукописи, он продолжает: "главенство политики, о котором я говорю, оказывается, таким образом, строго ограниченным. Ни в коем случае речь не идет о верховности каузальном" (там же, с. 31). Это разъяснение едва ли можно назвать убедительным, поскольку причинно-следственная связь социальных явлений вовсе выносится за скобки. Но все эти оговорки и уточнения фактически подтверждают приверженность Арона к полубытовой "теории факторов".